

ЗОИНА УЧИТЕЛЬНИЦА

Как-то в перемену Лёва вошёл ко мне в класс, чем-то взволнованный.

- Марина Николаевна, - быстро сказал он, - я узнал один очень важный адрес. Я знаю, где живёт учительница, у которой в четвёртом классе училась Зоя Космодемьянская. Вы понимаете, Зое было тогда одиннадцать лет - как нашим ребятам. Надо пойти к ней, правда? Может, она согласится притти к нам. Я уверен, это будет так же хорошо и интересно, как беседа на сборе с Румянцевым. Как по-вашему?

- Пойдём вместе, - предложила я.

Лёва обрадовался: он и сам хотел просить меня об этом.

В тот же вечер мы с ним пошли к Лидии Николаевне Юрьевой.

Мы долго блуждали среди каких-то маленьких домиков, похожих друг на друга, как грибы-дождевики. Я то и дело проваливалась в сугробы и наконец, совсем отчаявшись, сказала:

- Лёва, давайте отложим поиски до воскресенья, мы тогда пойдём засветло.

Но тут он воскликнул:

- Да вот же он, дом семь!

Через две минуты мы оказались в крошечной комнатке, где едва умещались две кровати и стол, словно осевший под высокими стопками ученических тетрадей. В простенке над столом я сразу заметила портрет юноши лет семнадцати с красивым, открытым лицом.

- Знакомьтесь, мой отец, - сказала Лидия Николаевна, когда навстречу нам поднялся невысокий, седой, как лунь, старик с длинной белоснежной бородой. - А это - племянник... (Тут только мы заметили круглолицего мальчугана лет четырёх, смотревшего на нас во все глаза.)

Потому ли, что мы перед этим столько времени блуждали, потому ли, что во всей обстановке этой комнаты было что-то строгое, но мы с Лёвой оба одинаково смутились, не сразу сообразили, куда именно нас усаживают, и наконец, стараясь помочь друг другу, довольно сбивчиво принялись объяснять цель своего прихода. Лидия Николаевна, маленькая, хрупкая, слушала и молча изучала нас пристальным взглядом. Выслушав до конца, она ещё немного помолчала, потом глухо, словно через силу, вымолвила:

- Трудно мне это будет... мне тяжело говорить об этом. И гибель Зои и гибель моего сына - всё это так тесно связано и так больно. Боюсь, ничего не выйдет.

Лёва побледнел и попытался встать.

- Вы извините нас, - тихо сказал он. - Конечно, если так, то не надо... мы не знали...

- Погодите, - остановила Лидия Николаевна, кивнув ему, чтобы он опять сел.

Мы молчали, как мне показалось, очень долго.

- Надо пойти, - вдруг сказал старик. - По-моему, надо пойти.

- Я понимаю, - негромко ответила дочь.

Они разговаривали так, словно нас с Лёвой не было в комнате.

- Я понимаю, я же сама учительница. Но, боюсь, плохо получится.

- Хорошо получится. Расскажи про девочку и про Володю Расскажи... и всё будет, как надо, - твёрдо закончил он.

Лидия Николаевна встала и вышла из комнаты.

- Тоскует, - сказал её отец, внимательно глядя на расстроенного Лёву. - Сколько времени прошло, а не утихает - болит. Внук погиб вскоре после Зои, по Зоинуму призыву пошёл... - Он несколько секунд смотрел на портрет. - Вот я переехал к ней, младшего внучонка привёз, чтоб ей было не так одиноко. Тесно, конечно, а всё же лучше вместе...

В эту минуту вернулась Лидия Николаевна с каким-то пакетом в руках. Сдвинув в сторону пачку тетрадей, она положила пакет на стол, развернула и достала большую групповую фотографию.

- Вот, - сказала она: - это выпуск четвёртого класса, в котором училась Зоя. Вот она, видите? А это брат её, Шура. А это Зоина тетрадь - посмотрите, какая чистая: ни одной помарки. А это моего Володи тетрадь... тут помарок сколько угодно... - Она улыбнулась сквозь слёзы.

Она показала нам всё, что было в пакете: школьные тетради Зои и Шуры Космодемьянских и Володи Юрьева, их детские рисунки, фотографии, и на прощанье сказала:

- Стало быть, в субботу, в семь часов вечера. Не волнуйтесь - приду, я ведь понимаю, что это нужно.

...Некоторое время мы шли молча.

- Лёва, - неуверенно заговорила я, - может быть напрасно мы её растревожили?

Пожалуй, не нужно было просить...

- Сам старик сказал, что нужно, - убеждённо возразил Лёва. - А уж он-то понимает!

И я не могла не согласиться с ним.

ГЕРОИ РЯДОМ С ТОБОЙ

Лидия Николаевна пришла на сбор отряда минута в минуту - ровно в семь часов. Она была гладко причёсана, в простом чёрном костюме, с белоснежным воротничком вокруг шеи. Глаза её смотрели ласково, и от этого неузнаваемо изменилось всё лицо: в прошлую нашу встречу взгляд у неё был не то чтобы неприветливый, но замкнутый, почти угрюмый, и это с первой минуты так смутило нас с Лёвой. А тут, увидев наших ребят, она совсем просветлела. Она села за столик, спокойно положила на него руки и

заговорила так просто и естественно, словно полжизни провела за этим самым столом и уже сотни раз беседовала с нашими ребятами:

- Одиннадцать лет назад, первого сентября 1935 года, я пришла в четвёртый класс - я должна была учить ребят и стать их классной руководительницей, как у вас Марина Николаевна. И вот подходит ко мне маленькая смуглая девочка и говорит:

«Лидия Николаевна, пожалуйста, посадите меня на одну парту с братом. Он тогда будет лучше слушать».

А братишка её стоит среди мальчиков и о чём-то с ними оживлённо разговаривает. Когда я усадила его рядом с сестрой, он насупился и исподлобья поглядел на товарищей - ну, как сделал бы, наверно, каждый из вас. Вы ведь любите иной раз сказать о девочке этак свысока: «Девчонка!».

Но я и других мальчиков сажаю с девочками, значит со всеми выходит одинаково. А сама поглядываю на брата с сестрой и думаю: «Разные какие!»

Это - Зоя и Шура Космодемьянские. Зоя серьёзная, сосредоточенная, на уроках внимательно слушает. А Шура живой, непоседливый. Но хоть характеры у них разные, а они очень дружат, это сразу видно. В школу приходят вместе и домой уходят вместе - и всегда оживлённо разговаривают, смеются. А на уроках иной раз бывает так: Шура сперва сидит тихо, а потом у него на парте откуда-то появляется бумажная игрушка, и он уже целиком ею занят, ничего не слышит. Смотрю, Зоя молча кладёт руку на бумажку. На лбу у неё от напряжения появляется морщинка: видно, она боится, как бы не упустить чего-нибудь из моих объяснений. И Шура без единого слова отдаёт игрушку.

Зоя часто оставалась после уроков в школе и помогала товарищам: одному объяснит, как решать задачу, другому растолкует грамматическое правило.

Помню, Любовь Тимофеевна, её мама, пришла ко мне с просьбой не задерживать девочку после уроков. Я пообещала. Но Зоя ушла домой очень огорчённая. На другой день после занятий я напомнила ей, что нужно сразу идти домой. А она отвечает: «Знаете, я всю ночь думала и решила, что я права. Я поговорила с мамой, и мама позволила мне помогать товарищам».

И я тогда подумала: вот девочке едва двенадцать лет, а она умеет убедить взрослого в том, что считает важным, нужным, справедливым, умеет отстаивать своё мнение не упрямством, а глубокой верой в свою правоту.

Как-то, беседуя с ребятами, я сказала - не помню уж, по какому поводу, - что у меня нет «любимчиков». Со мною все согласились, но некоторое время спустя один мой ученик, Боря, спросил:

«Лидия Николаевна, вот вы говорите, что у вас нет любимчиков, а разве вы Зою Космодемьянскую не любите?»

В первую минуту я даже растерялась, а потом решила: вопрос задан просто, значит и

ответить надо так же просто.

«Зою? Конечно, люблю, – сказала я. – А можно ли её не любить? Помогала она тебе решать задачи?»

«Помогала», отвечает Боря.

«А тебе помогала?» спрашиваю кого-то ещё.

«Помогала».

«А тебе? А тебе?»

Переглянулись мои ребята. Видят, что Зоя для каждого сделала что-нибудь хорошее. Следующей зимой Зоя и Шура учились уже не у меня. Они росли, переходили из класса в класс, менялись конечно – в вашем возрасте три-четыре года сильно меняют человека. Но что-то главное оставалось неизменным. И когда я слышала, что говорят учителя о Зое в пятнадцать, в семнадцать лет, я снова узнавала маленькую Зою – ту, которая училась у меня в четвёртом классе. Она попрежнему скромная. Как и прежде, хорошо учится. Всё так же дружит с братом, и он попрежнему слушается её, но не как младший старшую, не по обязанности, а потому, что любит и уважает сестру. И всё отчётливее становится в Зоинем характере одно свойство... как бы вам его определить?..

Лидия Николаевна задумалась.

– Вот ты, – неожиданно сказала она, обращаясь к Толе Горюнову, сидевшему прямо перед нею, – как ты думаешь: подсказывать – хорошо?

– На уроке? Подсказывать? Нет, нехорошо, – по обыкновению краснея до ушей, ответил Толя, удивлённый таким оборотом разговора.

– Ну, а если товарищ попросит тебя: помоги, мол, подскажи, – ты подскажешь?

Толя на мгновение замялся, оглянулся на меня и, покраснев ещё больше, со вздохом признался:

– Подскажу...

– Как же так: считаешь, что нехорошо, а всё-таки подскажешь? Почему же?

– Так ведь товарищ обидится! – не вытерпел Боря Левин.

– Вот-вот! Понимаешь, что нехорошо, да боишься обидеть. А вот Зоя если в чём-нибудь была уверена, так уж ничего не боялась. Раз был такой случай. Во время диктанта одна девочка спросила у Зои, как пишется какое-то слово. Зоя отказалась ответить. Девочка возмутилась. Поступок Зои обсудили на собрании, и многие говорили, что она вела себя не по-товарищески. Но Зоя твёрдо стояла на своём: она всегда готова объяснить, растолковать непонятное, но подсказывать во время контрольной работы не станет, потому что считает это неправильным и нечестным.

Чтобы так поступить и так отстаивать потом своё мнение, нужно быть настоящим человеком. Вы ведь сами знаете, как ребята не любят плохих товарищей, как недружелюбно относятся ко всякому, кого считают плохим товарищем. И не мне

рассказывать вам – очень многие из вас полагают, что подсказка нужна: не подсказешь – значит, подведёшь товарища. Так ведь?

Зоя никогда не отказывалась помочь тем, кто в этом действительно нуждался. Но способному и вдобавок ленивому ученику она могла сказать прямо и резко: «Сам должен выучить. Все одинаково могут это сделать, а ты просто не хочешь заниматься». Рисковала она из-за резкости потерять любовь товарищей? Да, рисковала. Но она не боялась этого. Ей не нужна была любовь, купленная снисхождением, уступками. Вы знаете такое слово – принципиальный? Вот Зоя была принципиальным человеком, она ничего не боялась и всегда поступала так, как считала правильным и справедливым. И ребята понимали это. Они уважали Зою, потому что видели: она требовательна не только по отношению к другим, но прежде всего к себе самой. И в малом и в большом. Помню, в первую военную осень ученики старших классов поехали рыть картошку. Работать было трудно – все дни лил дождь; туфли, калоши вязли в грязи, невозможно было ходить. Как-то вечером, когда остальные ребята уже уснули, Зоя приготовила для всех тесёмки, чтобы привязывать калоши к ногам. Наутро все смогли выйти на работу. В другой раз, в очень уж холодный и ненастный день, все остались дома. Зоя вышла в поле одна и работала, несмотря на дождь и слякоть.

Почему я вам это рассказываю? Потому что хочу, чтобы вы поняли: всё, за что мы уважаем и любим Зою: прямота, стойкость, мужество, – всё это выросло и крепло в ней с детства.

Однажды Зоя задала мне такой вопрос:

«Лидия Николаевна, вот вы сказали, что позорно говорить неправду. А если случится, что попадёшь к врагам? Как же тогда? Ведь там правду сказать нельзя».

Я ответила, что скрыть правду от врагов родины – значит выполнить свой долг. Зоя выслушала молча, потом сказала:

«Да, можно ответить: не скажу, не могу сказать».

Это было в тридцать пятом году. А двадцать седьмого января сорок второго года я прочитала в «Правде» о том, как Зоя ответила на допросе у немцев: «Нет, не скажу!»

Она осталась верна тому, что поняла и решила в детстве...

И снова Лидия Николаевна замолчала и задумалась. Я поглядела на своих мальчиков: все сосредоточенно, не отрываясь смотрели в лицо Зоиной учительницы и ждали следующего её слова.

Лидия Николаевна заговорила по-прежнему негромко, спокойно, только пальцы её рук, прежде спокойно лежавших на столе, теперь крепко переплелись.

– Когда Зоя погибла, шесть юношей из нашей школы, моих учеников, пошли добровольцами в Красную Армию. Среди них был Шура Космодемьянский. Он вместе с товарищами ворвался в расположение той самой немецкой дивизии, офицеры и солдаты которой замучили Зою, и отомстил за сестру. Среди них был и мой мальчик,

мой сын Володя. Семнадцати лет он уже окончил танковое училище и стал лейтенантом, командиром танка. Он храбро бился с врагом, был награждён тремя орденами Отечественной войны и, так же как и Шура, погиб незадолго до победы. По классу пронеслось что-то, словно внезапно все сорок ребят тихо вздохнули. Но Лидия Николаевна не сделала паузы: разняв руки, она вынула из лежащего рядом на столе пакета карточку.

- Подойдите сюда, - продолжала она. - Взгляните, вот они: Зоя, Шура, Володя... И мои всегда шумные ребята не повскакали с мест, не кинулись к ней, стараясь обогнать и оттеснить друг друга, - они встали совсем тихо и так же тихо, без возгласов и толкотни, подошли к столу и стали по очереди разглядывать всё то, что видели мы с Лёвой несколько дней назад в маленькой комнатке Лидии Николаевны: тетради, портреты, рисунки.

Не знаю, как точнее выразить то чувство, которое пробудил этот разговор. Пожалуй, вернее всего сказать так: герои рядом с тобой. Всмотрись в своих товарищей, в тех, кто учится и живёт рядом с тобой: всё, что заложено в них уже сейчас, потом, в жизни, даст всходы, каждый сможет стать героем, и ты тоже. Ты справедлив, честен, стоек? Таким ты будешь, и став взрослым. Ты солгал? Ты не умеешь справиться с собой, не учишься, ленишься? Смотри, подумай над этим теперь, потом будет гораздо труднее выпрямить себя, переломить въевшуюся скверную привычку. Ты думаешь, будто комсомольцем можно стать только в четырнадцать лет? Но ведь качества, без которых нет коммуниста, нет комсомольца, ты можешь воспитывать в себе уже сейчас.

После встречи с Лидией Николаевной ребята сами предложили Лёве устроить в классе особый уголок-выставку, которая расскажет об участниках Отечественной войны, бывших учениках нашей школы, Лёва поддержал их. И ребята горячо взялись за осуществление своей затеи. Это была жаркая, взволнованная работа. Ребята расспрашивали учителей, у которых когда-то учились будущие воины, повидались с некоторыми из них. Не дожидаясь, чтобы я или Лёва ещё что-то объяснили, ребята пытливо доискивались самого главного: как юноши, ещё недавно сидевшие в том же классе, за теми же партами, стали мужественными, храбрыми бойцами.

Вот какую подпись сделал под одним из портретов на нашей выставке Ваня Выручка: «Юрий Антонов учился в нашей школе. Он окончил её перед самой войной и потом пошёл на фронт. Ю. Антонов был десантником. Он храбро справлялся со всеми трудностями. Он переплывал широкие реки, по многу часов находился в ледяной воде. Он переносил и жару и холод. Один раз он ничего не ел десять дней подряд. Он закалялся с детства. Они с братом любили ходить в походы. Они всегда уговаривались не жаловаться ни на солнце, ни на дождь. Если их в пути заставала гроза, они всё равно шли неумолимо. Когда братьям было по пять лет, они научились кататься на коньках и на лыжах. Когда им было по десять лет, они уже умели ездить на

настоящем велосипеде, а в пятнадцать умели водить машину. Они были очень закалённые и войну встретили без страха. Старший брат в нашей школе не учился, но тоже был героем.

Ю. Антонов был хорошим другом и всегда выручал товарища в беде. Он вытащил с поля боя раненого командира.

Наталья Андреевна рассказала, что когда Ю. Антонов у неё учился с первого до четвёртого класса, то тоже был хорошим товарищем и всем помогал и сначала думал о других, а потом о себе.

Теперь он на Дальнем Востоке. Когда он вернётся в Москву, то обязательно придёт к нам в школу и сам обо всём расскажет».